

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Кашка

16+

Джавид Алакбарли

Кафка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319244

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта история, начавшаяся в больнице скорой помощи и закончившаяся счастливым союзом двух влюблённых сердец, включает в себя различные повороты судьбы этих героев. Безграничная доверчивость и предательство, милосердие и феминизм, школьная дружба и мир бизнеса, переплетаются в этой истории с необычными приключениями самих влюблённых. А ещё здесь немало рассуждений о том, что же такое феминизм и как с ним бороться. Автор убеждён в том, что воспитывать надо прежде всего мужчин, вырабатывая в них правильное отношение к женщинам.

Джавид Алакбарли

Кафка

На этом моём дежурстве на «Скорой помощи» всё, с самого начала, было не так. Почти на уровне подкорки я чувствовал: вот-вот должно что-то случиться. И это что-то не могло быть чем-то хорошим. И то, что пока это не происходило, а всё шло как обычно, ещё больше напрягало меня. Это предчувствие не просто тяготило меня, оно сидело во мне как заноза, не давая ни на чем сосредоточиться. Я все пытался что-то предугадать, но, зная о своих никудышных интуитивных способностях, решил, что лучше всего расслабиться. Что будет, то и будет. А потом мне было уже не до предчувствий.

Ведь вскоре у нас начался какой-то обвальный процесс. Сначала была авария с теми, кто попал к нам после жуткой аварии. Пришлось вызывать дополнительно врачей из дома. Слава Богу, в этой битве за каждую жизнь, мы оказались победителями. Лишь у крохотной девчужки, пережившей весь этот ужас без единой царапины, начался вдруг жесточайший приступ астмы. Но, после нашего вмешательства, вроде бы все обошлось.

Сразу же в след за этим, вдруг к нам стали привозить нарядно одетых парней с какой-то свадьбы. Выяснение отношений из-за того, кто на чью девушку не так посмотрел,

закончилось, как это порой бывает, массовой дракой молодежи. Шестерых здоровяков латали по живому, практически без анестезии. Просто так, местное обезболивание. Хоть крови было много, но ничего серьезного задето не было. Подштопали и всё. Бедные жених с невестой! Как там они довели свою свадьбу до конца? Одному Богу ведомо.

Однако, как только всё улеглось, и можно было спокойно дожидаться того, чтобы сдать дежурство, началась вся эта неординарная история. С точки зрения нормального ритма «Скорой», в это время больных, в принципе, быть не может. И, как правило, не бывает. Даже самая нетерпеливая роженица или человек с жесточайшим приступом, обычно все-таки дожидаются открытия нормальных больниц и поликлиник.

Но прогнозы прогнозами, а в реальной жизни случается много вещей, которые трудно предугадать. Все-таки на рассвете к нам привезли какого-то солидного дядечку, который ехал в аэропорт. То ли улетать куда-то, то ли встречать какой-то ранний рейс. Так и не доехал. Может, уснул за рулем. А может быть непривычный для Баку снегопад и гололёд на дороге сделали своё дело. Спасло его, конечно, то, что он был пристегнут. Да и джип его был все-таки надёжной машиной. Он уже был у нас, в приёмном покое, когда доктор с машины «Скорой помощи» ответил на звонок его мобильного. И уже через час в больницу ворвался его сын. Видимо, его он и должен был встречать. И, конечно же, я сразу узнал этого

парня. Это же был мой лучший друг Кафка. Только увидев его, я тут же понял, как же я по нему соскучился.

К счастью, у Кафкиного отца серьёзной оказалась лишь травма ноги, вернее, перелом. Осколочный, со смещением, но всего лишь перелом. Какая удача, что у него на голове была добротная меховая шапка. Она, как и дубленка, смягчили удар, и всё обошлось без обычных для этого случая серьёзных черепно-мозговых травм. Через несколько часов, увидев отца, всего забинтованного, но улыбающегося, Кафка немножко оттаял. Его отцу вкатили довольно-таки сильные обезболивающие препараты, и он вскоре уснул.

Практически уже был полдень, когда я пригласил Кафку пообедать. Торопиться ему особенно было некуда и моя идея о том, чтобы основательно поесть и обстоятельно обо всём поговорить, была встречена на «ура». Правда, если пользоваться любимым кафкиным словом, то надо сказать, что мы пошли «потыхать». Он обожал брать какие-то азербайджанские слова, скажем как в этом случае – «тыхмаг – пожрать» – и сооружать из них русские. Звучит вроде по-русски, а никому, кроме нас, не понятно, что же всё это означает на самом деле. Благо, неподалеку от больницы открылась новая классная точка, где всё было относительно дёшево, но очень вкусно. Ну, просто идеальное соотношение цены и качества.

Мы ели и говорили. Насытились быстро, но, конечно же, не наговорились. Вспоминали прошлое, пытались рассказать друг другу о том, что же произошло за всё то время, что мы

не виделись. Как сейчас помню тот пасмурный день, когда Кафка впервые пришёл к нам в восьмом классе. Над пасмурностью того дня, он не раз прикалывался потом, утверждая, что даже солнце предало его тогда. Как ни странно, но он тут же стал предметом всеобщих насмешек. Причина была предельно банальна: его имя. Это надо было же так умудриться, чтобы назвать ребёнка таким чудовищным именем: Варга. Хотя наша учительница литературы тут же сказала, что, видимо, у парня родители литераторы и назвали его в честь героя знаменитого сказания. Эта версия была тут же отвергнута. Варга был парень предельно честный. Он сразу же сказал, что родители у него не литераторы. И что у них дома ничего и не слыхали об этом сказании. Его имя ему нравится. И он не понимает почему и зачем оно так не нравится всему нашему классу. Назвали же его просто в честь деда. Имя старинное, красивое и нечего к нему цепляться.

Думаю, что прежде, чем давать ребенку имя надо подумать и о том, как же ему жить с таким именем. Школьные острословы, конечно же, превратили «Варгу» в «Гаргу», что означало «ворона» по-азербайджански.

Ну и вполне естественно, что, осуществив перевод на русский язык, превратили имя нашего нового ученика в Ворону. Как это ни странно, но мой вариант этого имени – Кафка – прижился. А я всего лишь вспомнил, что мама говорила, что, то ли по-чешски, то ли по-немецки, это слово означает «Ворона». Тогда ещё я ничего не знал о книге Мураками

«Кафка на пляже». И вообще не подозревал, что где-то далеко живёт такой писатель, который может так замечательно писать. Ну, о настоящем Кафке, который просто был великим писателем, конечно же, никто у нас и слыхом не слыхал. По-моему, за исключением таких продвинутых интеллектуалов, как мои предки, трудно было найти человека, который бы его читал. А они в свою очередь, вообще, не понимали, почему вдруг это имя никому у нас в классе не понравилось. Оказывается, с мамой тоже учился парень по имени Варга, но никаких проблем тогда у него не возникало.

Честно говоря, до него у нас в классе уже было два имени, над которым мы все прикалывались. Наш Якуб с первого дня охотно отзывался на ласкательное «Кубик» или «Кубчик». А что делать, когда ты вдруг представляешься всем, заявляя, что я «Я -куб». А вот с девочкой по имени Миная было сложнее. «Ты – Мина» как прикол на «Мина – я» не звучало, и мы начали её между собой звать просто Мышкой. Её мелкие черты лица, бесцветная одежда и желание казаться предельно незаметной идеально подходили под персонаж сказки «Мышиная шкурка». Она была соседкой Кафки по лестничной площадке. Он, поневоле, как-то все время её опекал. Но при этом, что называется, смотрел, но не видел. До того она была невзрачной.

Все школьные годы Кафка поражал нас всех тем, что он не только прекрасно учился, но и практически никогда не делал орфографических ошибок. Наша литераторша называла

это «феноменом врождённой грамотности». Только вот откуда такая грамотность возникла у нерусского парня она, конечно же, объяснить не могла. Проблемы у него были только с азербайджанским языком, да и то только в первые месяцы. Родился-то он в Москве. Туда ещё в конце 80-х переехали его родители. Он мне как-то рассказывал, что их туда звали, какие-то родственники, которым в цветочном бизнесе нужна была подмога.

– Понимаешь, красивых девочек, с улыбкой вручающих букеты, было там с избытком. А вот надежных людей, порой даже ночами не смыкающих глаз, иногда спавших урывками и умеющих ухаживать за цветами 24 часа в сутки, не было. Их наверное, в принципе, и быть не могло. Трудоголиков в сфере рынка, практически, не водилось в те годы. К тому же цветы – это не только красота. Нужно с первого взгляда понять, какому цветку что нужно. Какой-то надо продать немедленно, а другой может спокойно простоять неделю. Иные изначально обречены на то, чтобы пойти на венок, а есть и такие кому прямая дорога в любой изысканный букет.

В общем, уже через неделю его причудливых рассказов я стал экспертом по цветочному бизнесу. Мог объяснить причины перехода с местного сырья на импорт. Знал почему гвоздики из Баку быстро вытеснил с рынка голландский товар и в чём заключается преимущество орхидей над розами. Иногда он выдавал на-гора очень смешную информа-

цию. Скажем, я долго хохотал, когда от Кафки узнал, что, оказывается, бухгалтеры, также как и сама бухгалтерия, бывают белые и чёрные и определяется это вовсе не цветом кожи человека.

Но я учился у него не только законам ведения цветочного бизнеса. Впервые именно он преподавал мне уроки галантного обращения со всеми существами женского пола. Независимо от возраста, объема талии, цвета волос и глаз. Он сам, конечно, был одним из тех, кто не прилагая никаких усилий, становятся постоянным объектом обожания всех женщин без исключения. И ещё Кафка всегда восхищался своим отцом. Отец для него был идеалом во всём и вся. Он его обожал. Хотя сегодня он, с какой-то грустинкой, заметил, что отец совсем зачерствел, людей не видит, у него на уме одни лишь цифры, объемы денежных оборотов и потоки продукции. А ещё его беспокоило, что вокруг отца начала крутиться огромное количество негативной информации.

– Уж не знаешь, верить или нет. Я всегда считал, что у отца есть какой-то внутренний стержень. Бизнес, конечно же, вещь суровая, но я почему-то был уверен что он не такой, как все. Кто знает. Может я его излишне идеализировал? Когда-то он был классным инженером на заводе бытовых кондиционеров. После того как развалилась страна он фактически освоил абсолютно новую сферу деятельности. Ну а теперь, вдобавок ко всему, ещё много чего усвоил.

Я ещё со слов родителей хорошо знал, что его отец на

первые же заработанные деньги купил квартиру в Баку, причем, ту же самую, которую когда-то продал. Отремонтировал, переправил сюда из Москвы жену с детьми. Сам же зажил в почти бермудском треугольнике: Москва-Стамбул-Баку. Именно в результате столь сложных процессов и появился у нас в классе такой замечательный человек, как Кафка.

Мне с ним всегда было интересно. Он также быстро и много читал, как и я. Обожал компьютерные игры и азербайджанскую кухню. Когда я пытался ему доказывать, что порой в Москве еда бывает вкуснее, чем в Баку, он смотрел на меня как на дебила.

Пока Кафка учился вместе со мной, мы много общались. И в школе, и после неё. Но потом отец решил перевести его в турецкий лицей. Для меня было неудивительно, что он быстро стал там звездой. Хотя ему многое в лицее и не нравилось, но, видимо, быть первым среди тех, кто учится день и ночь, а не валяет дурака, как мы, ему, наверное, было очень приятно. Его феноменальная память и нечеловеческая усидчивость позволили ему легко поступить в какой-то престижный турецкий университет. Вот так и получилось, что мы, практически, потеряли друг друга из виду. Прошло целых пять лет с того дня, когда я видел его последний раз. Контакты мы все порастеряли, новых номеров наших телефонов не знали, общением в соцсетях не увлекались. А тут такие дела, что не знаешь, радоваться этой встрече, или нет.

Отца Кафки звали Мамедом. Естественно, что мы назы-

вали его дядей Мамедом. Мама же у него умерла, когда мы были в последнем классе. Я помню, что на похороны ходили мои родители. Мы вместе с ребятами из класса просто стояли во дворе рядом с Кафкой и своим угрюмым видом должны были вроде бы выражать сочувствие и сожаление об его утрате. Говорить соответствующие слова мы ещё не научились. Но вместе с тем прекрасно понимали, что и здесь Кафка умудрился быть первым. Первым среди нас человеком, потерявшим свою мать. И все мы понимали, что видимо трудно выстраивать свою жизнь, осознавая, что ты лишился самого дорогого для тебя человека. Через три месяца же Кафка уже уехал в Стамбул. Вот так вот мы и потеряли друг друга.

Но с тех пор много воды утекло. Старший брат Кафки прочно осел в Москве, женился, в общем, всё у него было в порядке. Занимается бизнесом, причём, очень успешно. Сестра его теперь жила в Германии, была замужем за каким-то их дальним родственником. Кафка, очень смешно, в лицах, всех слегка передразнивая, рассказывал, что родственные связи эти выявились только на свадьбе. А сами же молодые люди познакомились в Берлине на каком-то семинаре по информационным технологиям. Молодожёны были просто ошарашены тем, что оказались родственниками. Словом, каждый из их семьи имел вполне приличную профессию и был вполне доволен своей жизнью. Вот только Кафка – самый младший в семье и глава семейства, так и остались

сами по себе.

По-моему, мы с Кафкой болтали не переставая с той самой минуты, как увидели друг друга. Столько всего накопилось. Но мы времени зря не теряли, наверстывая упущенные годы. Продолжая делиться новостями, мы вернулись в больницу. Тут выяснилось, что как только дядя Мамед понял, что большой опасности для его здоровья нет, он захотел тут же быстренько сбежать из больницы. Именно поэтому он и попросил меня о встрече с главврачом. Я храбро ему ответил: – Сейчас он придёт.

Но, честно говоря, мне самому просто было непонятно, каким это образом какой-то медбрат может пригласить главврача к больному. Выручил, как всегда, дядя Маис, являющийся почти легендой в нашей больнице. Уже через полчаса главврач был у больного в палате.

Нашего главврача мы за глаза, а порой и при нем, называли Любимчиком. В это емкое слово многое вмещалось. Мы его считали и любимцем судьбы, и любимцем женщин, и любимчиком всех больных. Да и все мы настолько его обожали, что он был и нашим общим любимчиком. Он знал на «Скорой помощи» все. Мог рассказать историю ремонта каждой комнаты, какого-то допотопного прибора, биографию каждого сотрудника или вспомнить, например, какой самый лучший тост был произнесён на свадьбе одного из врачей несколько лет тому назад.

У Любимчика для каждого из нас была своя коллекция

шуток. Меня он обычно баловал вопросиками на тему о том, что я читаю или пишу. Ему почему-то нравились мои «женские рассказы», хотя каждый из них он критиковал, считая, что я всё время вольно или невольно пытаюсь описывать женщин намного лучше, чем они есть на самом деле. Время от времени он так же осторожно интересовался, не выявил ли я в процессе своих анатомических изысканий какую-то ещё неизвестную медицине кость в организме человека? Причём, исключительно с целью того, чтобы прославиться самому и заодно увековечить в анналах науки всю нашу больницу.

Любимчик знал толк во всём: в болезнях, в людях, мебели, лекарствах, напитках. Словом, во всём. Самым поразительным было то, что наряду с этим, он прекрасно чувствовал нутро каждого из нас и знал кто из нас на что способен. Как в обычной ситуации, так и в экстремальной. Его в нашем городе, тоже, видимо, хорошо знало огромное количество людей. Только он мог поднять ночью с постели какое-то медицинское светило и упросить его ехать к нам на операцию. И только он мог открыть двери какой-то супер-пупер аптеки и выдать ему в три часа ночи необходимое лекарство. Словом, он жил заботами больницы и, наконец-то, при нем мы перестали чувствовать себя сиротами. За это мы его и любили. Только вот он от этой любви постоянно отрешивался и отшучивался.

А пока я пытался это все вкратце изложить Кафке, Лю-

бимчик уже вышел от дяди Мамеда и начал объяснять нам, что больной хотя бы сутки должен провести здесь. Причин тому много. Но самая главная сводится к тому, что у него все-таки сотрясение мозга. Пока вроде особо тревожных симптомов нет, но все-таки лучше выждать.

Когда же, наконец, мы с Кафкой попали к дяде Мамеду и стали его уговаривать остаться, он, спешно закончив какой-то телефонный разговор, всё же согласился. Кафка, по моему, уже валился с ног от усталости, и я предложил ему пойти отоспаться. Что он и сделал. Сам я тоже тут же собрался домой. Уже уходя, увидел какую-то девушку на первом этаже, интересующуюся больным по имени Мамед. Что-то в её облике показалось мне смутно знакомым. Вглядевшись, я в этой мадемуазели разглядел нашу Мышку. Надо же, как время меняет людей. Все, что раньше казалось в ней недостатком, сейчас обернулось каким-то эксклюзивным достоинством. Даже её мелкота выглядела уже некой аристократической изысканностью. Как ни удивительно, она напоминала какую-то изящную статуэтку, исполненную большим мастером.

Я-то, как наивный человек, решил, что она, на правах старой соседки, узнав об аварии дяди Мамеда, захотела его навестить. Но когда я её проводил на третий этаж, то вдруг понял, что все не так просто. Может быть, раньше я и не обратил бы внимание на такие детали. Но работая на «Скорой», все время сталкиваешься с людьми в экстремальных ситуа-

циях и быстро учишься читать на их лицах. А здесь и читать было нечего. Эти двое просто бросились в объятия друг друга.

Наутро выяснилось, что, оказывается, какие-то обследования потребовали проведения новых анализов. Ну, как это всегда бывает, в результате дядя Мамед не так уж быстро смог удрать из рук врачей. Он был вынужден оставаться в больнице. И, как ни странно, Мышка бывала у него дольше и чаще, чем Кафка. На очередном моём дежурстве Кафка в сердцах сказал, что он устал от этого общения с отцом в постоянном присутствии третьего лица.

Надо признать, что в присутствии Минаи дядя Мамед расцветал. Он сыпал анекдотами, улыбался, словом, её общество явно воодушевляло его. Видя отца в столь необычном амплуа, Кафка нервничал. Я же ломал голову над тем, чем же я могу помочь ему. Может быть, запретить Мышке приходить в больницу? Но, как? И главное, зачем? Ведь самому больному же это всё очень и даже очень нравится.

На следующий день у меня не было дежурства. Позвонив Кафке, я пригласил его к нам домой. Таково было требование моей матери. Даже не требование. Ультиматум. Из всех моих друзей она всегда его выделяла. Да, ещё к тому же, настоятельно ставила его мне в пример. Меня это, конечно, раздражало. Как будто я мог не понимать, что Кафка, безусловно, был гораздо более талантливой личностью, чем я. Мама приготовила в честь Кафки один из своих лучших

праздничных обедов. Здесь каждое блюдо было шедевром. Мы с Кафкой ели и нахваливали. Когда мы уже заканчивали пить чай с маминой чудо-пахлавой, она кивнула на внушительный пакет, стоящий на столе, и сказала:

– А вот это заберите с собой. Наверняка, бедный Мамед уже лезет на стенку от вашей больничной кухни.

Когда мы уже собирались идти в больницу и угощать дядю Мамеда этими образцами маминой кулинарии, как вдруг раздался звонок в дверь. На пороге стояла Мышка. Хорошо, что хоть дверь открыл я. Словом, картина в лучших традициях комедии положений. Только смешного было мало.

– Может и хорошо, что Кафка тоже здесь. Лучше уж разом со всем этим разобраться.

Конечно же, мы вынуждены были снова сесть за стол. Налив ей чаю, мы все вместе, и, каждый в отдельности, выразили свою готовность её выслушать. Мышка была не самым лучшим рассказчиком. Да, и к тому же, её монолог очень тяжело ей давался. Иногда она путалась в датах, как будто они имели какое-то значение, забегала вперёд, теряя нить повествования. К тому же я не очень хорошо знал их семью, и, лишь мамины комментарии и пояснения Кафки, помогли мне восстановить всю картину произошедшего. А она была достаточно неординарна. Это ещё мягко сказано.

Оказывается, что в тот злополучный вечер Мышка и дядя Мамед встретились в подъезде. Она вся светилась от счастья.

Ведь она переезжала на новую квартиру. Да ещё через неделю должна была состояться её свадьба. Правда, дядя Мамед удивился, что она едет куда то одна, причём, на такси. Помог донести её сумку с вещами, посадил в машину и попрощался. Дал ей визитку с номером своего мобильного, чтобы, созвонившись, забрать свое приглашение на свадьбу. Но, к сожалению, этот номер понадобился ей вовсе не для этого.

Жених Мышки должен был встречать её у новостройки. Но ни его, ни его машины там не было. Она решила, что он её дожидается наверху, в их квартире. Но когда она позвонила в дверь, на пороге вместо жениха оказалась какая-то незнакомая женщина. Мышкин вопрос о том, кто они и что они здесь делают очень удивил её. Она спокойно сказала, что они живут здесь. Ведь это их квартира. Когда она заикнулась о том где же её жених, ей сказали, что именно он должен был их встретить в аэропорту, но не приехал. Просто послал с водителем ключи и попросил доплатить за ремонт 2000 долларов.

– А платить мы не будем. Он и так облапошил нас с этим ремонтом.

Вот и все. Дверь захлопнулась. Видимо снова звонить в неё не имело никакого смысла.

Мышка, ровным счетом, ничего не поняла. Они выбрали эту новостройку вместе. Она дала ему генеральную доверенность на старую мамину квартиру. Он ещё так радовался, что удалось найти покупателя, согласившегося ждать 3 ме-

сяца, пока не закончатся работы в их новом жилье. Да, ещё они, с такой любовью, выбирали все для ремонта, спорили с мастерами, тщательно продумывали все детали интерьера. Все было куплено, даже мебель. А теперь оказывается, что это чужая квартира? Как же так может быть? И что же делать в таком случае?

Телефон жениха не отвечал. А ведь через три дня годовщина маминой смерти. С того момента, как не стало мамы, жених так прочно вошел в её жизнь, что практически, вокруг нее никого, кроме него, и не осталось. Вакуум, пустота, а в нем она и он. Так уж получалось, что, фактически, ей больше некому было и звонить.

Всего полчаса тому назад, она чувствовала себя самым счастливым человеком на всем белом свете. А сейчас у нее голова кругом шла от всего этого, подкашивались ноги и она просто боялась поверить, что всё это может быть правдой. Оглянувшись кругом, она поняла, что здесь машину поймать будет очень трудно. Да и денег у нее с собой не было. Их у неё просто не было. Так уж повелось, что в последнее время за все платил жених. Он же мужчина. И неважно, что все оплачивал её же деньгами. Были-то они у него. Засунув руки в карманы она обнаружила твердую картонку. Это оказалась визиткой дяди Мамеда. Ему она и позвонила. Он тут же приехал. Забрал её, привёз домой, уложил спать.

– Спи. Утром все расскажешь. Если захочешь.

Уснуть ей, конечно, не удалось. Она стала день за днем

вспоминать весь прошедший год.

Надо сказать, что Мышка была очень поздним ребёнком. Но желанным и долгожданным. Родители не могли на неё надыхаться. Она же их просто обожала. Мама у неё была гинекологом. Очень известным в городе. Отец был юристом. Скоротечный рак сожрал его за три месяца. Родственников у них было немного. Мама была родом из Дербенда, в Баку у нее никого не было. А с отцовской стороны кто-то ещё в начале 90-х подался в Турцию, кто-то в Россию, а кто-то уехал ещё дальше.

Словом, когда мама вдруг утром не проснулась, она подумала, что наступил конец света. Жизнь кончилась. И первая мысль была чисто детская. Что же она теперь будет делать без мамы? Так уж повелось, что мама всегда всё решала. И за себя, и за неё. Мышка лишь исполняла. В университет в тот день она не пошла. Сообщила на мамину работу о том, что случилось. Спасибо маминим коллегам и подругам. Они организовали похороны и все эти тяжёлые дни опекали её.

За всю ночь она так и не смогла вспомнить, с кем же из приходивших на поминки, появился тогда в их доме её будущий избранник. Он сразу понравился ей именно своей яркостью, уверенностью в себе и непохожестью на её инфантильных сокурсников. Вскоре этот рослый, улыбчивый, красивый и, главное, предельно расположенный к ней молодой человек, начал встречать её после занятий. Подвозить домой, приглашать вместе с подругами где-нибудь пообедать

или поужинать. Все это он делал очень элегантно. И так же эффектно во время ужина вручил ей обручальное кольцо, объявив её своей невестой.

– Мамы, папы у тебя нет, руки просить не у кого. Да и некому. Мама моя в Америке, папа в Турции. Они разбежались, когда мне было всего 15. У каждого из них своя жизнь. Да и мы с тобой вполне современные люди. А значит и сами можем решать свою судьбу.

Как все это её радовало. И то, какой он был самостоятельный, и то какой он рассудительный и умный! Как-то в один из вечеров, когда они ужинали у неё дома, он выпил бокал вина, и не захотел сесть после этого за руль. Остался на ночь. После этого он иногда ночевал у нее. А в результате однажды ночью случилось то, что неизбежно должно было случиться. Он тут же предложил зарегистрировать их брак.

– Ведь навряд ли ты захочешь играть свадьбу до маминой годовщины. Верно ведь? Я, как всегда, прав. Напишем заявление, отнесу в ЗАГС. Пусть нас регистрируют, а уж на свадьбе и свидетельство вручат.

Потом она даже не поинтересовалась, где же это свидетельство. Да и было ли оно вообще? Её вера в него была просто безгранична. Ведь все, что он делал, говорил, предлагал, было самым лучшим из всего, что вообще может быть в мире.

Так вот она и прожила, в таком дурмане, последние полгода. Не думая ни о чем и ни о ком. Кроме него. Целиком

подчиняясь его воле. Ей это казалось таким естественным, что у неё в жизни всё складывается именно так. Вначале были папа и мама. А потом только мама. А теперь вот он. Её жених и избранник. Её судьба. С ним, как и с мамой, можно было ни о чем не думать. Он все знал, все решал, всё делал. И за неё, и за себя. Всё точно так же, как когда-то с папой и мамой.

Мышка каждый день встречала с мыслью о том, как же ей повезло, что она встретила такого замечательного человека. Обделённая обычно мужским вниманием, она буквально расцвела рядом с ним. Некоторые вещи, правда, огорчали её. Но она старалась не обращать на них внимания. Ведь и на солнце есть пятна. Так, он всё время посмеивался над тяжёлой старинной мебелью их дома, над картинами, которые висели всюду, даже в прихожей, над антиквариатом, который всю жизнь собирала мама, пополняя дедушкину коллекцию.

– Такое ощущение, что за твоим порогом попадаешь в XIX век. Из XX здесь только эти пять работ, да и то не самые лучшие образцы.

Но со временем она поняла, что он прав. Она ведь уже на все смотрела его глазами. Сначала были проданы картины, потом антиквариат, следом мебель и квартира. Её отец в свое время, после удачного обмена, заново спроектировал её из двух трехкомнатных сталинок. Но вся эта квартира казалась её жениху ужасно допотопной и неудобной.

На кухне утром она, почти как во сне, чисто без всякой

эмоциональной окраски, рассказала все это дяде Мамеду. Как итог и результат её ночных раздумий.

– И ещё я беременна. На пятом месяце. Он говорил, что на свадьбе ничего заметно не будет. Он специально и платье такое выписал по каталогу.

Только произнеся эти слова, она расплакалась. Ведь в глубине души она все ещё надеялась, что он ищет её и вот-вот придет. Подумала, что как же хорошо, что вчера она упростила дядю Мамеда приколоть к дверям её, уже бывшей квартиры, записку для жениха.

Дядя Мамед, велев ей все-таки ещё поспать, ушел. Ей все же удалось провалиться в тяжелый сон, полный каких-то бредовых видений. Но потом, наконец-таки, ей приснилось что-то замечательное. Мышка и сегодня, закрыв глаза, мечтательно говорила:

– Мне снился сказочный сон. Будто я сплю, а в комнату входит мама и будит меня. Я просыпаюсь и буквально балдею от запахов свежемолотого кофе, корицы и фантастических маминых блинчиков.

Но тут сон прервался. Я проснулась. Исчезло все, что мне снилось. Остались только запахи. Те самые: корица, кофе, блинчики. Которые были когда-то каждым утром в нашей квартире. Поневоле я побрела вслед за всеми этими ароматами и оказалась на кухне. Там я увидела тетю Раю, сестру покойной жены дяди Мамеда. Она меня покормила. Надо признаться, что я до сих пор помню вкус этих блинчиков, кофе

и печенья с корицей. Как ни удивительно, они действительно были ничем не хуже и не лучше маминых. Точь в точь такие же. Их вкус пробуждал желание жить. На сытый желудок, после такого завтрака, жизнь казалась уже не такой ужасной.

Как только я кончила есть, на кухню вошёл дядя Мамед. Да и не один. Рядом с ним были какие-то люди в погонах и ещё... Ну, конечно же, вот он, мой жених. Дядя Мамед,, почему то начал говорить со мной в приказном тоне. Куда то исчезла, просто испарилась, его вчерашняя мягкость.

– Пиши заявление. Его задержали сегодня утром. В аэропорту. За незаконную попытку вывоза антиквариата. Он известный мошенник. О его проделках многие знают, но ещё никому ни разу не удалось его засудить. Его конёк – богатенькие наследницы. Трижды был женат. По месяцу. Но такой оборот дело получило впервые. Просто обычно у него добыча была помельче. Последний раз предполагаемый тесть увез от греха подальше свою дочь в Англию, а от него откупился машиной. Вот на ней он к вам и подъехал. А сейчас мы его с рейса сняли. Ещё 5-10 минут и он уже улетел бы.

Когда я подняла глаза на своего жениха, то мне показалось, что передо мной стоит какой-то другой человек. Жалкий, потерянный, поникший и помятый.

– Но, Миная, ты пойми, я же и тратил. На тебя, на себя. Я же полгода тебя кормил, поил.

Вначале я не хотела писать заявление. Потом хотела. Отомстить хотела. И как-то вдруг, в одно мгновение, осознала,

а, что, собственно говоря, я хочу? Ведь я все сделала по своей доброй воле. Разве он меня заставлял? Нет, я была готова исполнить любое его желание, даже невысказанное. Мне в ту минуту, от осознания собственной ничтожности, просто не хотелось жить.

Она говорила, что заявление она всё же написала. Не в полицию. В университет. Об академической отсрочке. Все вопросы, связанные с её имуществом и квартирой, пока повисли в воздухе. Наутро дядя Мамед должен был уезжать в Стамбул. Он отвез её в Нардаран, на свою дачу. Все с той же милой тётей Раей.

– Здесь, на воздухе, тебе будет лучше. Читай, гуляй, ешь. Радуйся жизни, а то малыш родится хмурым и скучным человечком.

В доме была приличная библиотека, в чем-то повторяющая ту, что была у неё дома. Она и не заметила, как пролетели эти месяцы.

– Малыш родился прямо-таки великаном. Эти 52 см и 4500 грамм были моим первым личным рекордом в жизни. Да и морской воздух, наверное, сыграл в этом не последнюю роль.

Из больницы Рая повезла меня уже не на дачу, а в родную сталинку. Но каково же было моё удивление, когда она открыла не дверь квартиры дяди Мамеда, а моей собственной, вернее, моей бывшей квартиры. А там всё было, почти, так же, как и год тому назад. За исключением нескольких дета-

лей. На столике в передней лежало адресованное мне письмо. Внутри конверта были деньги и записка:

– Я отдал твоего жениха в руки надёжных людей. Квартиру удалось сразу вернуть. Он все ждал более выгодного покупателя. Дождался. В аэропорту задержали лишь часть антиквариата и картин, а все остальное собирали поштучно. Кое-что так и не удалось вернуть. Рая все время будет с тобой. Береги малыша.

P.S. Кстати, не хочешь ли ты назвать его в честь твоего отца? Когда-то много лет тому назад на вашей кухне твой отец говорил, что мечтает дожить до такого дня. Не дожил.

– Жизнь наладилась. Я вернулась в университет. Малыш растёт.

Мышкина исповедь была столь ошеломляющей, что от всего этого, конечно же, не только у Кафки, но и у меня голова пошла кругом. Мама вообще почему-то все это время утирала глаза и не переставая приговаривала:

– Бедная девочка. Бедная девочка. Ну просто слов нет. Мексиканские сериалы отдыхают. Это надо же. В таком приличном городе ухитриться встретить такого подонка.

Но это было ещё не всё.

– Я знаю, что вокруг есть люди, которые разное про меня говорят. Они думают, что я любовница твоего отца и что в действительности это его ребенок. Я пришла именно потому, что не хотела, чтобы кто-то до меня успел всё это рассказать. Вернее, сказать неправду. А правда вся заключается в том,

что второй такой дуры, как я, в мире нет.

Кафка усмехнулся и сказал:

– Ты здорово опоздала. Да, и обо всём этом я узнал не здесь, а в Стамбуле. А ещё говорил с отцом по телефону перед вылетом. Мне кажется, что если бы не мой дурацкий звонок, не было бы и этой аварии. Видимо, отец сильно нервничал, когда ехал в аэропорт.

Моя мама почему-то, вдруг, велела Кафке выйти. Мне же она приказным тоном велела:

– Ты тут пока поразвлеки нашу девочку, а нам надо пошептаться.

Мы успели с Мышкой перемыть кости куче знакомых. А они всё не возвращались. Потом хлопнула входная дверь. Я подумал, что, видимо, это ушёл Кафка. А мама вернулась к нам. Села, залпом выпила стакан воды и повторила свою излюбленную фразу:

– Не устаю поражаться тому, каким же это образом Господь Бог ухитрился создать всех мужчин круглыми идиотами. Господи, ну зачем же ты так жесток!

– По отношениям к мужчинам?

– Нет, конечно. По отношению к женщинам. Ведь мы – постоянные жертвы вашего идиотизма.

Я всё пытался что-то объяснять моей маме. Говорил о том, что она не права. Но разве она меня когда-нибудь слушала? Даже в спокойной обстановке. А здесь же кипят нешуточные страсти. Причём, неясно ещё, чем же всё это кончит-

ся.

На следующий день я застал отца Кафки в компании моих родителей. Он был чрезвычайно возбуждён. Обычно он всегда немногословен. А здесь он выступал с целой речью.

— Я не влюблялся в свою жену. Она с самого детства была частью меня самого. Родители меня только родили. А воспитала она. Нам было по три года, когда я её в первый раз увидел. Тот наш общий детский сад я помню до сих пор. В деталях и мелочах. И самым ярким из этих воспоминаний является она. Её смешные бантики, её улыбка, щербинка меж зубов. А потом была школа, где мы сидели за одной партой. Это было время, когда она каждый день, неназойливо, предельно тактично, без всякого давления заставляла меня учиться. Именно благодаря ей, я почувствовал интерес к знаниям и открыл в себе таланты, о существовании которых просто не знал. Для неё я получал пятёрки, играл на гитаре, накачивал мышцы. Я ходил за ней как тень. И каждый день боялся того, что кто-то из мальчиков нашего класса может понравиться ей больше, чем я. Разделил нас только университет. Разные вузы, но общие вечера. Суббота и воскресенье, проведённые на бульваре или на пляже.

Уже на третьем курсе мы поженились. Все вокруг читали нам нотации на тему о том, что нас хватит ровно на полгода. Это в лучшем случае. Нас хватило надолго. Ради неё я готов был на всё. Работать грузчиком, сторожем, барменом, чинить кондиционеры... Я перепробовал всё. Лишь бы у мо-

ей семьи было бы всё, что ей нужно. С годами моя любовь менялась. В ней не было уже прежней страсти. Она переросла в настоящую любовь. В этой любви была та безграничная нежность, что даёт осознание того, что мне не жить на этом белом свете без этой женщины.

А потом случилась перестройка. И я почувствовал себя полным ничтожеством. Надо было что-то делать, а не смотреть на то, как голодает твоя семья. Продал квартиру, снял им жильё. Оставил им все деньги от продажи. Мне уже можно было уезжать. Что я и сделал. Где только меня не носило. Многое испытал. Повезло в одном. Встретил ребят – бакинцев, которые затевали большое дело. Я пришёлся им ко двору. Уже через год перевёз семью и нормально устроил. Успокоился. Всё убеждал себя и жену, что отныне всё будет хорошо.

И тут грянула беда. Нет, никто не умер, не пропал без вести, не заболел. Беда случилась со мной. Потом уже, сопоставляя факты, я понял, что угодил в хорошо подстроенную ловушку. В моей жизни появилась новая женщина. Вернее, очень красивая девушка. Она поломала всю мою жизнь одним щелчком своих слишком длинных пальцев. Она превратила меня в своего раба. Вернее, в раба моих желаний, моей похоти, моего сумасшедшего желания быть рядом с ней. Я же не мог приходить к детям и жене весь пропахший чужой женщиной. Я не мог даже смотреть им в глаза. Просто позвонил, что я в командировке, а им надо возвращаться в Ба-

ку. Именно тогда я и выкупил нашу бывшую квартиру, объединил её с соседней, сделал ремонт и обставил. Не сам, конечно. У меня на всё это уже имелись люди. Профессионалы своего дела. Им я и поручил.

Ровно год ушёл у меня на то, чтобы остаться без копейки денег и осознать, что всё то, что я считал любовью всей своей жизни, было всего лишь охотой за моими деньгами и бизнесом. Словом я вновь оказался в исходной точке. Без налаженного бизнеса, без денег, без понимания того, что же мне делать дальше. Спонтанно принял решение полететь в Баку. Просто попрощаться.

В те дни я много думал о самоубийстве. Да, о чём я только не думал. Только не о том, чтобы жить и бороться. У меня на это не было сил. Я был сломлен, уничтожен, превратился в ничтожество. Главным же моим желанием было то, чтобы встать на колени и умолять жену простить меня. Приехал. Моей жены тогда уже, практически, не было в живых. Да, была какая-то женщина, отдалённо на неё похожая. Женщина, которая иногда приходила в сознание, стонала от боли и вновь уходила в свою страну страданий. Это было так жестоко. Да, я был эгоистом, подонком, мразью. Но даже им дают шанс. Если не на спасение, то хотя бы на отпущение грехов. Мне этот шанс судьба не предоставила.

Весь этот страшный год, когда я лишь раз в неделю выслушивал заверения детей, что у них всё хорошо, именно семья Минаи была рядом с ними. Её мать лечила мою жену, а

её отец пытался воспитывать моих оболтусов. А наутро того дня, что я прилетел, моей жены не стало. Моей жизни пришёл конец. Без неё уже ничто и никогда не могло быть так, как было когда-то.

Вечером мы с отцом Минаи долго разговаривали. О том, как прошли похороны, о людях, что пришли на поминки, о наших детях. Потом он вдруг сказал:

– Рассказывай. Только без соплей. Самую суть. Не лги и ничего не утаивай. Я всё пойму.

Я говорил долго. Помню, что Миная пять или шесть раз приносила нам крепкий чай. Когда я закончил, он сказал:

– Ну, я и подозревал что-то похожее. Сиди здесь. Мне надо кое с кем переговорить.

И он ушёл. Вернулся через час. Какой то успокоенный. Даже улыбался

– Есть ночной рейс. Улетай сейчас же. Времени просто в обрез. Тебя встретят. Надеюсь, что всё образуется.

Я был слишком раздавлен, чтобы что-то спрашивать. Улетел. Уже утром сидел в офисе какого-то солидного дядечки. Опять всё рассказывал. Но уже с подробностями. Он всего лишь усмехнулся.

– И это всё? Вот уж не думал, что старик станет меня беспокоить из-за такой мелочёвки.

Только потом я осознал, что для человека такого масштаба, весь мой бизнес был всего навсего мышшиной вознёй. Я не только вернул всё то, что потерял, но и смог подняться на

такую высоту, о которой даже не мечтал. Закрутился, завертелся. В тот вечер в Баку попал совершенно случайно. Приехал на самолёте своего компаньона, чтобы кое с кем встретиться, а утром улететь в Стамбул.

Когда увидел Минаю, обрадовался, что всё у неё хорошо. Ведь я не видел её с похорон её отца. А потом, когда она вылила на меня всю эту информацию, я уже кипел от негодования. Сделал, что смог. Но чтобы я не сделал, я остаюсь в вечном долгу перед её отцом. Он вытащил меня с самого дна, спас от самого страшного греха – желания наложить руки на себя, подарил надежду и указал путь к спасению.

Конечно же, не стоит об этом говорить, но я все эти годы поддерживал их семью. Решал какие-то проблемы. Постоянно опекал. Но это была всего лишь материальная сторона дела. Я абсолютно упустил из виду то, что эта беспомощная девочка постоянно нуждалась в тепле и ласке. Обманувший её негодяй, понимал это лучше всех. А я, друг её отца, в погоне за деньгами, совсем забыл о ней. Чтобы я ни сделал для Минаи – всё будет мало. Вы же не дети, не так наивны как Миная и понимаете, что не ценой юридических рычагов, удалось вернуть ей всё то, что она потеряла.

И тут в палату вошли Мышка и Кафка. Мне стало смешно: мышка и ворона держались за руки. И вид у них был очень смущённый. Они присели. Кафка с очень серьёзным выражением лица обратился к отцу.

– Я так понимаю, что ты теперь опекун и покровитель Ми-

наи. Значит именно у тебя мне и надо просить её руки. Но ты, к тому же, и мой отец. Ты благословляешь нас?

То, что потом случилось в этой палате, я бессилён описать. Дядя Мамед задал один единственный вопрос:

– Свадьбу будем делать в Баку или в Стамбуле?

Единственное, что я помню из всего этого бедлама, так это то, что всё-таки я успел задать своей матери на ухо один единственный, тревожащий меня вопрос:

– Это твоих рук дело?

– Конечно. Только такой слепой дурачок как ты, не смог разглядеть, как Кафка ревнует её к своему отцу.

Провожать дядю Мамеда мы поехали всей шумной компанией. Самое печальное было то, что они увозили с собой Любимчика. За эти дни они успели так подружиться, а отец Кафки расписывал перед ним такие перспективы работы в Стамбуле, что тот не устоял.

Кстати, в аэропорту я первый раз в своей жизни видел такое чудо, как очень маленький, но настоящий самолет под скромным названием «Гольфстрим». После этого «шестерка» дяди Маиса, на которой мы возвращались в город, казалась жутким анахронизмом. Мы держали пари на тему о том, будет ли наш новый главврач лучше или хуже Любимчика. Я был уверен, что хуже. Конечно же, пари выиграл я.

Кафка с Минаей собирались улететь через неделю. У меня ещё было какое-то время для общения с моим другом. Жаль, что его душа для меня так и осталась бы закрытой на

замок, если бы не дедуктивные способности моей непостижимой мамочки.

Всю эту неделю, пока Кафка был в Баку, мама каждый вечер рассказывала мне о том, что оказывается всё дело в гормонах. Когда-то очень давно избыток мужского гормона у каких-то женщин привёл к тому, что появились знаменитые амазонки. Она винила феминисток в том, что они подали женщинам ложные надежды на то, что те могут быть абсолютно самостоятельны. Всё учли эти феминистки, кроме одного.

– Понимаешь, цели и идеи современного феминизма не раз обсуждались и корректировались в наше время. Очевидно уже, что законодательно права женщин во всём мире защищены. Никто уже не спорит о том, что женщина должна иметь возможность получить достойное образование, строить свою карьеру, получать за равный с мужчинами труд, равную оплату. Всё вроде бы наладилось. Кроме одного. Феминистки создали у женщин какую-то ложную иллюзию нашего равенства с мужчинами. Именно ложную. Почему?

А вот ты представь себе, что встречается Он и Она. Осознают, что любят друг друга. Хотят быть вместе. Во всяком случае, здесь и сейчас. Именно в этот момент ярко проявляется уникальная особенность женского характера. В минуту близости, в минуту растворения друг в друге, в минуты осознания того, кем же они стали друг для друга в женщине пробуждается жертвенность. Именно её она безрассудно

кладёт на алтарь любви. Она готова на всё. В том числе и на то, чтобы быть всего лишь его частичкой. От того, каким окажется её мужчина, зависит вся её дальнейшая судьба. И не нужно внушать женщине, что она в этом союзе должна быть такой или какой-то другой. Здесь всё решает природа. Не могут эти отношения подпадать под какой-то стандарт. В каждой паре есть свои особенности, своё видение того, что означает для них счастье. Нужно обсуждать не права женщин, а воспитывать тех мужчин, которые способны превращать эту готовность женщин к жертвенности, в инструмент уничтожения женщины как личности. А этим никто не занимается.

Мама при этом перечисляла много имён, из которых я запомнил только Розу Люксембург и Клару Цеткин. Последним гвоздём, вбитым в гроб феминизма, была фраза о том, что среди лидеров движения во все времена и всех народов не было ни единой красавицы.